

ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ
(КРАТКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ И РЕСТАВРАЦИИ 1955—1975 гг.)
В кн.: Реставрация исследования памятников культуры. Выпуск II. М., 1982.
С.185–197

С.185.

В течение ряда лет ведутся научно-исследовательские, проектные и реставрационные работы по одному из выдающихся ансамблей древнерусского зодчества – Пафнутьев-Боровскому монастырю в Калужской области. Данная статья не претендует на исчерпывающую публикацию всего, что было сделано и получено в процессе исследования и восстановления памятников монастыря, а содержит краткое изложение результатов работ по этому интересному комплексу (1) (рис.1).

Монастырь основан в 1444 г. (2) воспитанником старца Никиты, ученика Сергия Радонежского — Пафнутием. Возведение монастыря-крепости имело большое значение для укрепления юго-западных границ Московского княжества, поэтому с самого основания и на протяжении дальнейшей истории монастырь опекали московские князья (позднее цари), которые делали большие вклады на строительство, наделяли его угодьями.

Вскоре после основания монастыря в нем сооружается первый каменный собор (на месте разобранный деревянный), положивший начало каменному крепостному и монастырскому строительству. Большая часть сооружений монастыря сохранилась, но за прошедшие пять столетий они не раз перестраивались, изменяли свой облик и ко времени начала реставрации оказались сильно искаженными, а некоторые из них в аварийном состоянии, поэтому прежде чем приступить к восстановлению памятников, потребовалось провести комплекс неотложных противоаварийных мероприятий на наиболее опасных участках.

Центральную группу ансамбля (рис.2) составляют собор Рождества Богородицы, трапезная с церковью Рождества Христова и колокольня. Вокруг них расположены архимандричьи палаты с церковью Митрофана, больничные палаты с церковью Ильи, братские кельи, погребной корпус. Постройки окружены крепостными стенами с башнями, образующими в плане вытянутый параллелограмм.

Собор Рождества Богородицы. Первая деревянная церковь Рождества Богородицы была построена в год основания монастыря в 1444 г. В 1467 г. (3) ее сменил белокаменный собор, расписанный Митрофаном и Дионисием (4). На его месте между 1584–1586 гг. (5) по повелению и на средства царя Федора Ивановича заложен, а в 1589 г. освящен новый (6), дошедший до нас собор с приделом Федора в южном алтаре и приделом Ирины у северной стены. В 1644 г. собор Рождества Богородицы был расписан внутри (7).

Впоследствии этот собор подвергался неоднократным переделкам. В 1651 г. к южной стене алтаря была пристроена церковь архангела Михаила (8) (разобрана в 1828 г.(9)). Примерно в это же время с трех сторон была построена паперть (10), позднее разобранный. По-видимому, в XVII в. растесаны окна (11), в конце XVIII в. надложены главы (12), а кровля заменена на четырехскатную с закладкой пазух между закомарами. В 1837 г. к западной стене пристроена дошедшая до нас трапезная (13). Как отмечено в найденных документах XVIII в., в стенах и сводах собора имелись трещины (14). Эти незатухающие деформации привели к тому, что в 1954 г. средний барабан обрушился (рис.3).

Впервые реконструкция собора была выполнена М.Т. Преображенским в 1891 г. (15). Исследования, проведенные при реставрации, дали дополнительный мате-

риал о древнем облике здания и изменениях при его последующих перестройках. Так, например, был выявлен первоначальный профиль цоколя, который сохранился небольшими фрагментами на западном фасаде (часть нижнего вала) и между апсидами (верхняя часть цоколя). Особенность кладки цоколя – порядное сочетание белокаменной и кирпичной кладок. Такой же прием применен в кладке баз порталов. У большинства растесанных окон обнаружены те или иные фрагменты, подтверждающие, что их форма была аналогична сохранившемуся первоначальному оконному проему на западном фасаде придела Ирины. Довольно полно удалось проследить систему покрытия четверика собора и придела. В ендовах между закомарами и на углах найдены отпечатки первоначальных дубовых водостоков и водометов, которые были уложены на известковом растворе (16). Под разобранными поздними завершениями на малых главах собора и на главе придела открылась кладка первоначальных шлемовидных глав. В верхних частях глав найдены гнезда от белокаменных подкрестий с металлическим штырем для их креплений (17).

Реставрационные работы начались с установки несущих коренных лесов и кружал, воспринявших нагрузки от деформированных сводов и арок. После этого под все здание подведены новые фундаменты на глубину и ширину 4 м. Фундаменты подводились отдельными «захватками» с удалением сгнивших дубовых свай и слабой кладки. Восстановлены лопнувшие связи, а трещины в стенах и сводах заделаны. После окончания конструктивного укрепления стен и сводов был восстановлен центральный барабан с главой.

После удаления наслоений и реставрации утраченных частей собору был возвращен его первоначальный облик (рис.4). Рождественский собор по композиции и трактовке архитектурных деталей близок другим известным постройкам годуновского времени, в особенности церкви Преображения в

С.186.

Рис.1. Общий вид монастыря с востока.

1. Общий вид монастыря с востока

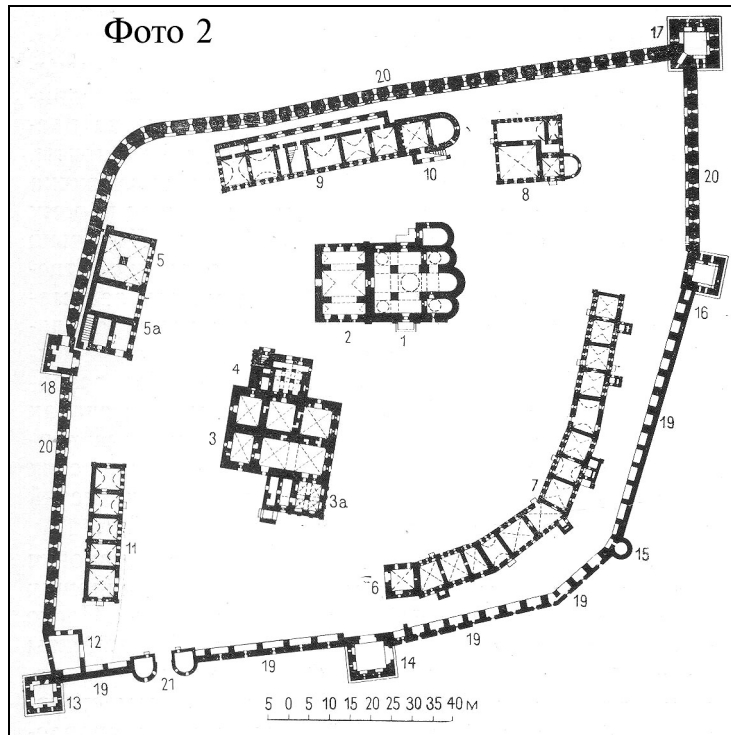

Рис.2. Планировка монастыря. 1 – собор Рождества Богородицы, 1586 г.; 2 – трапезная (паперть) собора, 1837; 3 – трапезная с церковью Рождества Христова, 1511 г.; 3а – паперти трапезной, XVI в.; 4 – колокольня, 1690 г.; 5 – погребной корпус, XVI в.; 5а – перестроенная часть погребного корпуса, XIX в.; 6 – сохранившийся фрагмент разобранной церкви Пафнутия с пристройкой, XVI в.; 7 – юго-восточные братские кельи, XVII в.; 8 – больничные палаты с церковью Ильи, 1670 г.; 9 – настоятельские палаты, XVII в.; 10 – церковь Митрофана, 1760 г.; 11 – западные братские кельи, XVII в.; 12 – поваренная палата, XVII (?) в.; 13 – Поваренная башня, XVI в.; 14 – Георгиевская башня, XVI в.; 15 – Круглая башня, XVI в.; 16 – Оружейная башня, XVI в.; 17 – Сторожевая башня, XVII в.; 18 – Тайницкая башня, XVII в.; 19 – прясла крепостных стен, XVI в.; 20 – прясла крепостных стен, XVII в.; 21 – Проломные («Водяные») ворота, XVII–XIX вв.

**Рис. 3.Собор Рождества Богородицы XVI в. до реставрации. Вид с северо-востока.
Фото О.К. Губаревича.**

С.187.

Рис.4. Собор Рождества Богородицы XVI в. после реставрации. Вид с востока.

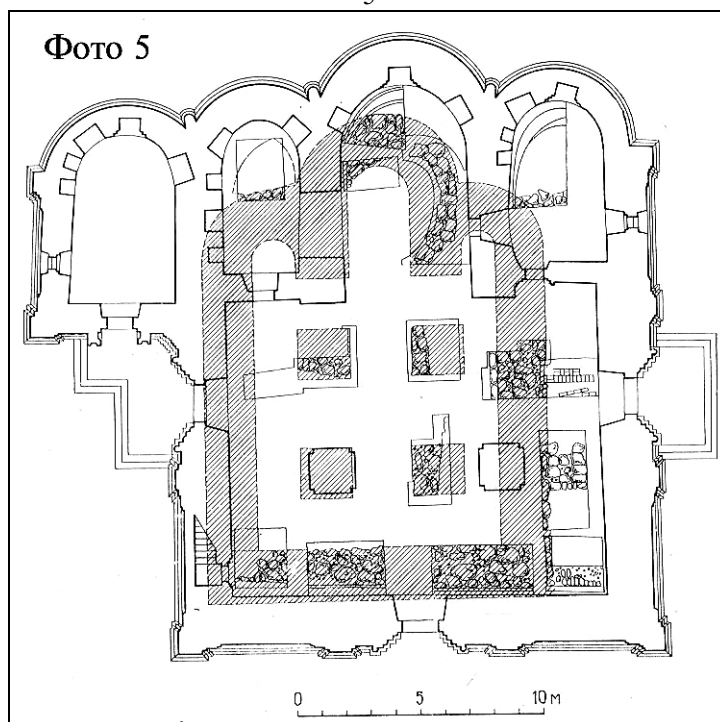

Рис.5. План Собора Рождества Богородицы XVI в. с фрагментами фундамента собора XV в.

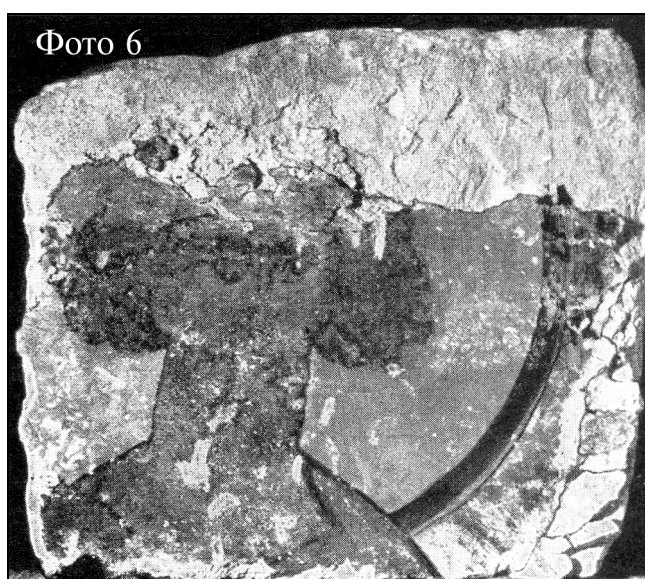

Рис.6. Фрагмент фрески XV в., найденный в цокольной части кладки северной стены собора Рождества Богородицы. Фото А. Петухова.

Рис.7. Трапезная 1511 г. до реставрации. Вид с юга. Фото А. Петухова.

Рис.8. Трапезная 1511 г. после реставрации. Вид с юго-запада. Фото А. Петухова.

С.188.

Вяземах, собору Владычного монастыря в Серпухове, Троицкой церкви в Хорошеве.

Важным дополнительным этапом исследования собора стало выявление фрагментов первого каменного Рождественского собора 1467 г. (18). Внутри собора были найдены части фундаментов южной, западной, восточной стен, трех столбов и южного крыльца. Раскрытые части фундаментов показывают, что собор в 1467 г. был сравнительно небольшим четырехстолпным храмом (рис.5).

Кроме того, в кладке фундамента существующего собора, в забутовке цоколя и толще стен найдено много профилированных белокаменных блоков собора XV в., а также блоков с остатками фресок. При сопоставлении профилей этих блоков с профилями деталей соборов раннемосковского круга (Успенского на Городке, собора Саввино-Сторожевского монастыря, Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры, Спасского собора Андроникова монастыря) ясно видно их сходство. Эти сопоставления в ряде случаев помогли установить место найденных фрагментов в архитектуре древнего собора; так были определены нижние части профиля цоколя, базы, капители, архивольты, дыньки порталов и т.д. Выявленные остатки дают возможность не только получить некоторое представление о соборе 1467 г., который поражал своей красотой современников («дивились тому и самые самодержцы Русской земли» (19)), но и в какой-то мере пополнить знания о московской архитектуре в период от конца 20-х до 70-х годов XV в. Не меньший интерес вызывают обнаруженные фрагменты живописи Дионисия, монументальное искусство которого было известно до сих пор лишь по фрескам Ферапонтова монастыря (рис.6).

Трапезная, пристроенная к западному фасаду собора в 1837 г., сохранила первоначальные элементы, но с довольно значительными повреждениями. Построенная в формах позднего классицизма, трапезная интересна для строительной истории монастыря, как последнее и единственное сооружение XIX в. Реставрационные работы по трапезной пока не проводились.

Трапезная палата с церковью Рождества Христова, сооруженная в 1511 г. (20), – не только древнейшее из сохранившихся сооружений монастыря, но и одна из наиболее ранних дошедших до нас построек этого назначения. Здание, поставленное на подклете, принадлежит к той типологической разновидности, в которой одностолпная трапезная палата, церковь и келарская заключены в общий прямоугольник наружных стен. С северной и южной сторон к нему примыкают паперти, из которых северная включена в массив колокольни XVII в.

Исследованием были выявлены первоначальные формы цоколя, дверных и оконных проемов, фрагменты крылец папертей, фрагменты щипцов двускатного покрытия трапезной, покрытие по кокошникам и основание барабана главы церкви.

Относительно хорошо сохранилась стенопись северной галереи, выполненная в XVII в. (21). От росписи самой трапезной палаты сохранились лишь небольшие фрагменты в южном и восточном проемах. Над северным входом в подклет трапезной имеется фресковая живопись, по-видимому, XVI в. (22). Слабые следы фресок и графы остались в верхних частях северного и восточного фасадов церкви.

После конструктивного укрепления здания (подведения фундамента, заделки трещин и т.д.) были проведены реставрационные работы, частично вернувшие памятнику его первоначальные формы (рис.7, 8). Но из-за отсутствия необходимых данных барабан и глава церкви восстановлены не были.

Погребной корпус – редкий памятник жилого и хозяйственного назначения – расположен к западу от собора. Корпус до сих пор не привлекал внимания исследователей. Прежде здание было трехэтажным (23) с двумя погребами-ледниками (24). По документам 1739–1741 гг., в нем были размещены жилые кельи, «столярна, чашникова, квасоварна» (25), в 1768 г. упоминается еще и «сушильная» (26). В конце XVIII в. третий этаж был разобран (27), а в середине XIX в. разобрана и построена вновь южная половина здания (28).

К началу работ это было неприглядное двухэтажное здание, первый этаж которого более чем наполовину скрыт в грунте. Лицевая кладка древней стены первого этажа восточного фасада на глубину в полкирпича отслоилась и находилась в аварийном состоянии, поэтому пришлось ее укрепить, а попутно провести исследования в доступных местах (в подвалах, в первом этаже, на фасадах) и фрагментарные реставрационные работы по древней части восточного и северного фасадов (рис.9) (29).

Два подвальных помещения имели плоское перекрытие. Над ними расположена одностолпная палата, перекрытая крестовым сводом. В восточной стене были раскрыты от поздней закладки (частично растесанные) два больших дверных проема (или ворота) и два небольших окна, а также три ниши, размещенные на фасаде около дверей и между окнами, явно не декоративного, а подсобного хозяйственного назначения. Надо отметить, что южная стена этой палаты приложена к фасаду сохранившегося фрагмента стены разобранного более раннего здания (см. рис.9).

Западная стена одностолпной палаты обращена своей внешней стороной в узкий коридор (30) между палатой и крепостной стеной, построенной позднее.

В стене палаты имеются два щелевидных проема в виде бойниц, перекрытых ступенчатыми перемычками. Внутри один из проемов (другой – заложен) больше похож на боевые ниши. Возможно, такая форма проемов объясняется тем, что здание первоначально было включено в линию монастырской ограды.

Ряд таких же щелевидных проемов имеется на втором этаже восточного фасада. В середине между ними раскрыт широкий дверной проем, как и на первом этаже (31). Размеры этих дверных проемов наводят на мысль, что первый и второй этажи были

хозяйственными. По-видимому, именно в помещениях второго этажа была расположена сушильня, упоминаемая в документах. В XVIII в. в северной стене второго этажа были прорублены оконные проемы, обрамленные типичными для этого времени наличниками с «ушами».

Два нижних этажа хозяйственной части здания

С.189.

на восточном и северном фасадах отделены от жилого третьего этажа декоративным поясом, включившим в себя поребрик и бегунец. Подобными же поясами декорированы стены трапезной 1511 г.

Дата сооружения погребного корпуса неизвестна. Между тем при сопоставлении погребного корпуса с трапезной 1511 г. наблюдаются аналогичные одностолпные палаты, формы дверных и оконных проемов, характер указанных декоративных поясов фасадов. Это позволяет отнести сооружения погребного корпуса к началу XVI в.

На северной половине здания восстановлена большая часть первоначальных элементов фасадов: двери, окна, щелевидные проемы, ниши, междуэтажный пояс, а также окна XVIII в. Некоторые поздние оконные проемы временно оставлены в прежнем виде.

Надвратная церковь Пафнутия и пристройка к ней. Церковь Пафнутия XVI в. (?) была разобрана в 1836 г. (32). Разведочный шурф показал, что ворота состояли из узкой части для пешего прохода, выстланной кирпичом «на плашку в елку», и широкой проезжей части, имеющей булыжное покрытие. Сохранился фрагмент восточной стены ворот на высоту одного яруса. На западной стороне этой стены видны четыре полукружия от разобранного крестового свода над проходом (рис.10).

С восточной стороны к церкви примыкала двухэтажная пристройка, от которой сохранилось одно помещение. Восточная стена пристройки уцелела на высоту почти двух этажей, так как позднее она стала стеной в свою очередь пристроенных к ней в XVII в. юго-восточных братских келий.

На этом небольшом фрагменте пристройки удалось найти сравнительно много деталей, которые дают возможность получить представление о первоначальном архитектурном облике здания.

Внутри помещения на всех четырех стенах видны четкие контуры полукружий от разобранного крестового свода; в восточной стене найден несколько растесанный дверной проем с широко раскрывающимися наружу откосами. Помимо него на восточном фасаде сохранилось два заложённых оконных проема второго этажа, верхние части которых разобраны. Между первым и вторым этажам проходит пояс, состоящий из полуваля, заключенного между двумя выкружками, и поребрика под ним. Этот же пояс хорошо сохранился на фрагментах южного и северного фасадов. Подобного характера профили имеются на фасадах трапезной 1511 г. и погребного корпуса XVI в. Интересно устройство небольших ниш-тайничков в восточной стене снаружи и внутри, которые в миниатюре повторяют тайники подклета трапезной 1511 г. На северном фасаде раскрыты фрагменты трех небольших оконных проемов, средний из которых поднят выше двух других. Окна подобной формы с той же системой расположения имеются на восточном фасаде трапезной 1511 г.

Детали архитектурного оформления пристройки к церкви Пафнутия, аналогичные трапезной 1511 г., позволяют датировать пристройку началом XVI в.

Работа по раскрытию остатков Пафнутьевской церкви и ее пристройки продолжается; проектными предложениями намечено восстановление повреж-

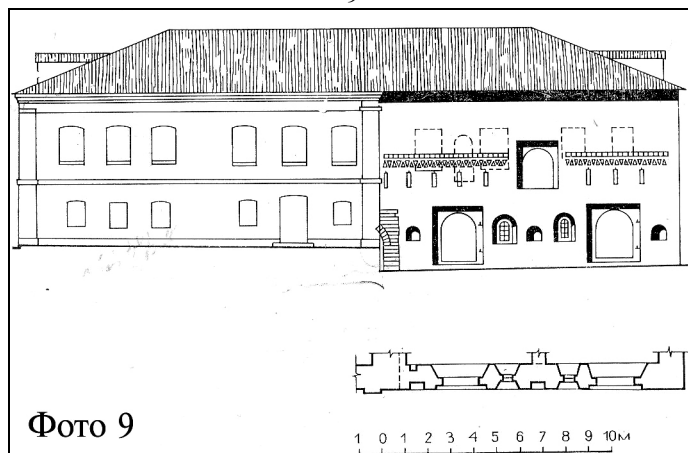

Рис.9. Реконструкция восточного фасада сохранившейся части Погребного корпуса.

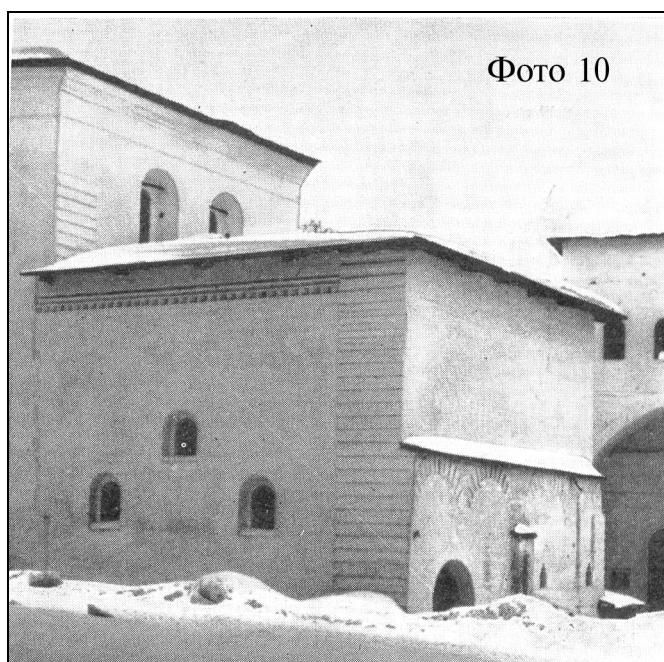

Рис.10. Сохранившиеся фрагменты церкви Пафнутия и пристройки к ней XVI в. Вид с северо-запада.

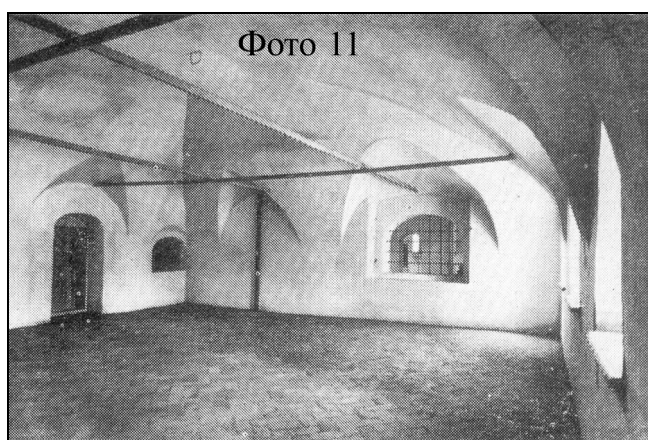

Рис.11. Больничные палаты XVII в. Интерьер юго-западной палаты после реставрации. Фото А. Петухова.

С.190.

денных фрагментов памятников. Для экспозиции восточного фасада пристройки, оказавшейся внутри братских келий, предлагается не восстанавливать перекрытия над за-

падной палатой братских келий. В дальнейшем намечается раскрыть от грунта части ворот, стены или фундаменты подцерковья.

Больничные палаты с церковью Ильи, расположенные в северо-восточной части монастыря, построены в 1670 г. иждивением князей Репниных (33).

Во время исследования памятника при производстве реставрационных работ установлено, что больничные палаты и церковь Ильи сооружены в один строительный этап (34). Уточнена также планировка помещений: в северо-западной части были сени с двумя входами и небольшими окнами, сами больничные палаты располагались в юго-западном углу (большая) и в северо-восточном (малая); церковь занимала юго-восточную часть комплекса. Между церковью и палатами найдены «слуховые проемы», устроенные, видимо, для того, чтобы лежащие больные могли слушать службу (35) (рис.11). Определены места и устройство первоначальных дверных и оконных проемов; найдены остатки некоторых деталей фасадной декорации: цоколь, карниз и кокошники четверика церкви, основание барабана и ниши на нем с обрамлением. Под кровлей четверика сохранились следы и частичная кладка оснований четырех боковых барабанов. Покрытие четверика церкви было четырехскатным; найдены следы покрытия апсиды и больничных палат.

Все эти данные позволили реставрировать памятник в сохранившемся объеме (рис.12, 13), кроме боковых глав храма, для восстановления которых пока нет достаточного материала.

Колокольня примыкает к северной стене трапезной (рис.14). История ее строительства, в отличие от других монастырских построек, прослеживается по сохранившимся документам. В 1688 г. на средства князя Константина Осиповича Щербатова над северной частью папертью трапезной была построена колокольня. Еще до завершения работ монастырские власти выражали неудовольствие тем, что «шатер сделан на колокольни самый худой и мал безмерно и низок» (36), поэтому решено было колокольню перестроить, пригласив другого подрядчика. В послании князю Щербатову и в подрядном документе обращает на себя внимание желание заказчика «верх построить ... против образца Петровского монастыря, что на Москве, колокольни» (37).

Верхние части четверика и восьмерика обеих колоколен действительно близки по архитектурным формам. Но особенность колокольни Пафнутьева монастыря, в отличие от Петровского, заключается в том, что грани восьмерика расположены на осях четверика (см. рис.14) – прием построения, по-видимому, очень редкий, если не единственный в своем роде.

В 1775 г. производился ремонт верха колокольни. При этом, как говорит документ, «крест ... ветхою главу и весь свод пришлось разобрать, а вместо оного заделать вновь свод и фонарь против состоящего во оном монастыре на Митрофановской церкви своду» (38). И действительно, барабаны колокольни и церкви Митрофана, очень близки по архитектурным формам (см. рис.13, 14).

Основной объем колокольни хорошо сохранился, а некоторые повреждения деталей довольно легко восстанавливаются. Реставрационные работы, проведенные по фасадам и двум первым ярусам, сводились в основном к удалению поздних пристроек (тамбура, контрфорса), разборке поздних закладок, вычинке кладок стен, сводов, декора фасадов, покрытие и т.п.

К утраченным элементам сооружения относятся три разобранных крыльца, которые вели на второй ярус колокольни с восточной, северной и западной сторон. Графических изображений или описаний крылец нет, поэтому они не могут быть реконструированы.

Из жилых построек сохранились три здания XVII в.: архимандричьи палаты, ограничивающие предсоборную площадь с севера, западные братские кельи (39), расположенные южнее погребного корпуса, и вторые братские кельи протяженностью около 100 м, занимающие юго-восточную часть монастыря.

Все здания были сильно искажены перестройками, и к началу наших работ фасады имели гладкие стены с прямоугольниками дверей и окон.

Первоначально здания были трехэтажными. Три этажа сохранились только у архимандричьих палат (40). У братских келий третий этаж разобрали в XVIII в. (41), от них остались только нижние части стен.

После проведенных раскрытий был найден прежний вид построек в пределах сохранившихся объемов и выявлена планировка зданий. Установлено, что помещения на всех этажах разбиты в основном на изолированные секции, состоявшие из сеней и одной–трех палат. Помимо основного входа с главного фасада в сенях имелись вторые двери, выводящие либо во двор, либо в каменные «нужные места», устроенные одновременно со зданиями келий. В юго-восточном братском корпусе на первом этаже существовали еще и одиночные помещения с двумя входами – главным и дворовым.

Первые и вторые этажи перекрывались сводами: палаты в большинстве случаев – сомкнутыми, сени – полусомкнутыми и коробовыми. Над многими помещениями зданий позднее своды были разобраны. Перекрытие третьего этажа архимандричьих палат было плоским.

На главных фасадах зданий сохранились следы разобранных кирпичных крылец, ведущих к сеням вторых этажей. Сообщение между вторым и третьим этажами осуществлялось, по-видимому, внутренними лестницами: у западных братских келий в своде сеней второго этажа имеется первоначальное отверстие, расположение, размеры и форма которого дают основания предполагать, что оно служило для устройства междуетажной лестницы. По архивным сведениям, в первых этажах размещались подсобные помещения, мастерские и частично братские кельи. Вторые и третий этажи были жилыми.

Архимандричьи и западные братские кельи по архитектурным, конструктивным формам и по декору фасадов близки между собой (рис.15, 16). Судя по сохранившимся остаткам, одинаковыми были по общей схеме построения и наружные крыльца. Однако архимандричьи палаты, занимающие более важное положение, по своему назначе-

С.191.

Рис.12. Больничные палаты с церковью Ильи XVII в. до реставрации. Вид с юго-востока. Фото А. Петухова.

Фото 13

Рис.13. Больничные палаты с церковью Ильи XVII в. после реставрации. Вид с юго-востока. Фото А. Петухова.

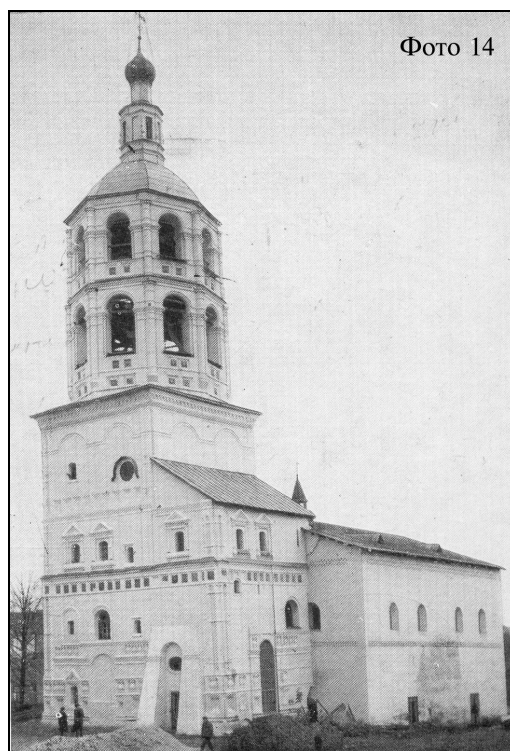

Фото 14

Рис.14. Колокольня XVII в. Вид с северо-запада. Фото А. Петухова.

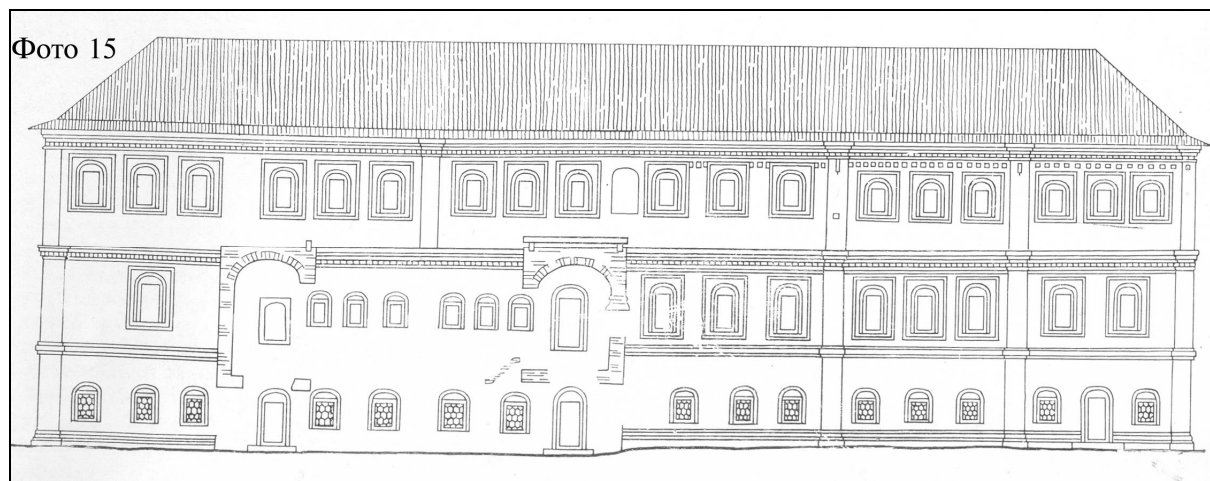

Фото 15

Рис.15. Эскизный проект реставрации Настоятельских палат XVII в.

Рис.16. Западные братские кельи XVII в. Северная часть восточного фасада после реставрации.

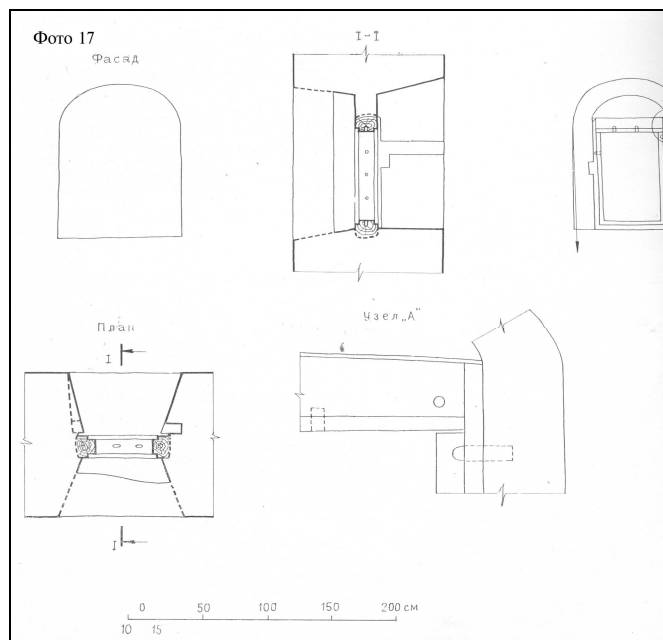

Рис.17. Западные братские кельи XVII в. Обмерный чертеж окна первого этажа в западной стене с первоначальной дубовой колодой.

С.193.

нию и по расположению на главной предсоборной площади, имеют большие размеры и более сложный декор. На главном, южном фасаде архимандричьих палат место покоев архимандрита, расположенных в восточной части второго этажа, выделено более насыщенным декором. Кроме разобранных крылец и верхней части венчающего карниза, переложеного позднее, архитектурные и декоративные элементы южного и западного фасадов «прочтены» достаточно полно. Северный фасад закрыт пристройкой XVIII в. (42), восточный – церковью Митрофана. Реставрационные работы по архимандричьим палатам пока не начинались.

У западных братских келий помимо третьего этажа и наружных крылец были разобраны также хозяйственные помещения с западной стороны. Найденные фундаменты, фрагменты стен и сводов на западном фасаде дают возможность реконструировать помещения, но этих материалов недостаточно для восстановления в натуре. В оставшейся части здания при производстве реставрационных работ удалось выявить почти

все первоначальные формы снаружи и внутри. В двух оконных проемах сохранились первоначальные дубовые колоды. В колоде окна первого этажа имеются отверстия от металлической решетки (рис.17); колоды окон второго этажа были без решеток.

У западных братских келий выделена южная палата первого этажа: окна имеют наличники усложненного профиля; над дверью помещен изразец, дверь отличается не только большими размерами, но и необычными для дверей этого монастыря формами; по бокам двери на фасаде имеются две ниши. Под палатой расположен глубокий белокаменный подвал с плоским перекрытием. Назначение этой палаты пока не выяснено, но, по-видимому, она занимало немаловажное место в монастыре. Реставрационные работы по зданию близки к завершению (см. рис.16).

Юго-восточные братские кельи сооружены в три строительных этапа. Самая древняя, западная часть примыкает к сохранившейся части пристройки к церкви Пафнутия. Все три этапа следовали, вероятно, с небольшими промежутками, так как, несмотря на различные размеры кирпича и составы известкового раствора, формы здания – своды, окна, тяги, лопатки и т.д. – очень близки. Фасады юго-восточных келий по сравнению с настоятельскими и западными братскими кельями более простые по архитектурным формам (рис.18).

Оконные проемы келий отличаются в основном размерами. Дверные же проемы очень разнообразны: с арочными и ступенчатыми перемычками, с верхней четвертью для полотна двери и без четверти, с колодами и без колод и т.п. В процессе производства работ, ведущихся пока только по первому этажу, раскрываются новые элементы памятника: в одной из палат найдена фресковая роспись XVII в., в другой – фрагмент стены более древнего здания с оконным проемом, печные проемы из сеней в палату, ниши. Представляет интерес пристройка XVII в. в середине юго-восточного фасада. В ее южной стене, например, на втором этаже раскрыт печной проем, который был сделан для топки печи снаружи, с деревянной галерей.

Между юго-восточными кельями и крепостной стеной находился хозяйственный двор, отгороженный кирпичными стенами с запада и с севера. Фрагменты стен сохранились в натуре.

Точной даты построения названных монастырских зданий нет. В литературе они датируются XVI и XVII вв. Леонид приводит сведения из

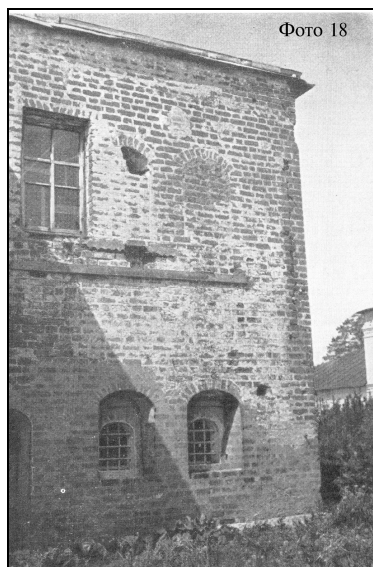

Рис.18. Юго-восточные братские кельи XVII в. Фрагмент восточного фасада в процессе реставрации.

Рис.19. Круглая башня с пряслами XVI в.

С.194.

вкладной книги о том, что с 1650 по 1700 г. «много поступило пожертвований ... на строение ... крепостных стен, настоятельских покоев, братских келий, колокольни». Такое развернутое строительство, по-видимому, связано с повышением значения монастыря, отмеченным, в частности, по иерархической лестнице тем, что в 1685 г. его духовное управление вместо настоятельского стало архимандричьим (43).

Судя по раскрытым первоначальным элементам, раньше других, примерно в середине XVII в., были построены юго-восточные братские кельи. Уточнить дату, возможно, удастся после проведения полного исследования здания.

Формы архимандричьих и западных братских келий тяготеют к концу XVII в. Некоторые черты декора фасадов (карнизы, наличники и т.п.) близки настоятельскому корпусу Спасо-Андронникова монастыря, церкви Максима Исповедника на Варварке, Никольскому собору Николо-Первенского монастыря в Москве и т.д., построенным в конце XVII в. Если учесть, что изразец на южном фасаде западных келий аналогичен изразцам, украшающим колокольню, построенную в 1690 г., то можно предположить, что эти два здания построены между 1685 г. (начало управления архимандрита) и началом 1690-х годов (после сооружения колокольни).

Церковь во имя святителя Митрофана Патриарха Цареградского пристроена к восточной части архимандричьих палат в 1759–1760 гг. (44) иждивением архимандрита Пафнутьева монастыря Митрофана Шеинкова (см. рис.13).

В конце XVIII в. была разобрана галерея, примыкавшая к церкви с трех сторон (45). Фрагмент галереи сохранился на южном фасаде; во время снятия грунта найдены фундаменты от ее столбов. Оставшийся объем церкви, имеющий форму восьмигранника на четверике на подклете, сравнительно хорошо сохранился.

Реставрационные работы по церкви пока не начинались.

Крепостные стены и башни. Точной даты возведения крепостных стен и башен нет. Их относят к XVI и XVII вв. При исследовании монастырских крепостных сооружений удалось выделить части, относящиеся к разным строительным этапам (см. рис.2). Всего прослеживается пять таких этапов. Основанием для их выделения послужили прежде всего архитектурные и конструктивные особенности стен и башен, характер кладки, детали устройства бойниц, элементы декоративного убранства и т.п. Тщательное изучение кладки в местах стыков позволило определить относительную хронологию кладок различных типов, что в свою очередь дало материал для их более точной датировки.

К самому раннему этапу следует отнести Круглую башню (46) с прилегающими к ней пряслами стен (рис.19). Они меньших размеров, чем все остальные; их фундаменты сложены на глине, что, по мнению В.В. Косточкина, встречается у крепостных сооружений лишь до XVI в. (47) (в других местах стены и башни имеют фундаменты,

сложенные на известковом растворе); характер пояса-поребрика на фасадах прясел близок поясам фасадов трапезной 1511 г. и погребного корпуса. Все это дает основание для ранней датировки стены, относящейся, как нам кажется, к первой половине XVI в. Интересно отметить, что на каждой стороне пилонов ходовой галереи устроены небольшие ниши, перекрытые ступенчатыми перемычками.

Стена между Георгиевской и Поваренной башнями отличается от предыдущих прясел большими размерами кирпича и величиной самой стены (48) (рис.20). Но то обстоятельство, что наружный фасад декорирован поясом-поребриком, таким же, как и у наиболее ранних стен, позволяет, видимо, отнести сооружение этого участка стен ко второму этапу строительства – ориентировочно к середине второй половины XVI в. Дополнительно это подтверждается исследованием швов в местах соединения стен с Поваренной и Георгиевской башнями, возведенными в конце XVI столетия: стены примыкают к башням. Фрагменты арки в западной части наружного фасада стены, соединяющейся с Поваренной башней, может быть частью более ранней разобранной башни.

Третий этап строительства – башни Поваренная, Георгиевская, Оружейная и прясло стены, прилегающее к Георгиевской башне с востока. Одновременное возведение этих башен и участка стены не вызывает сомнения: одинаковы кирпич, раствор, кладка, конструктивные приемы и формы декора. Неоспоримым доказательством сооружения этих построек после предыдущих двух этапов служит то, что прясло около Георгиевской башни, построенное одновременно с ней, примыкает к пряслу первого строительного этапа, а Георгиевская башня западной стороной примыкает к пряслу второго строительного этапа.

В литературе высказывалось мнение, что Поваренная, Оружейная и Георгиевская башни построены Федором Конем в конце XVI в. (49). В подтверждение этой точки зрения могут быть приведены два довода. Во-первых, нам представляется убедительным сопоставление этих башен с графическими изображениями башен Белого города Москвы, построенных Федором Конем. Архитектуре фасада Трехсвятских ворот Белого города, изображенных на гравюре П. Пикара 1708 г., и перечисленных башен Пафнутьева монастыря (рис.20, 21) очень сходна: фасады расчленены филенками, верхние зубцы отделены поясом от остальной части башен и имеют завершения типа «ласточкин хвост». Во-вторых, башни, относящиеся к третьему этапу строительства, имеют много общего с башнями Смоленской крепости, также выстроенными Федором Конем: в высоком цоколе, в совершенно одинаковых по форме, размерам и характеру кладки фронтончатых наличниках бойниц; в отчленении поясом верхних зубцов типа «ласточкин хвост»; в одинаковом решении воротных башен, проезжая часть которых внутри башен изгибается под прямым углом, в перекрытии первых ярусов коробовыми сводами, в обработке по одинаковой схеме наружных сторон ворот (арка ворот, над ней по центру киот, выше симметрично две бойницы с фронтончатыми наличниками – см. рис.21); в размере кирпича (8×14 – 15×30 см); в характере кладки и затирки раствора. Все вместе, на наш взгляд, вполне убедительно свидетельствует в пользу построения башен и фрагмента стены Федором Конем. Вероятной датой со-

Рис.20 Поваренная башня XVI в., крепостная стена XVI в. и полумные ворота в ней XVII–XIX вв.

оружения башен можно назвать период между окончанием строительства Белого города в Москве (1586–1593 гг.) и началом возведения Смоленской крепости (1595 г.).

К четвертому этапу строительства относится самый большой участок крепости – башни Сторожевая и Тайницкая и северо-западные прясла стен. Их возведение можно датировать на основании известных нам документов. Во вкладной книге монастыря имеется запись о царском пожертвовании в 1636 г. на «городовую каменную поделку и на кровлю» шестисот рублей. В перечислении пожертвований монастырю в период между 1620–1650 гг. сказано также, что иждивением князей Оболенских-Лыковых «построена кругом монастыря ограда каменная» (50). Особенно интересны для нас сведения о составлении сметы на перестройку стен подмастерьем каменных дел Трофимом Шарутиным (51).

Эта часть крепости отличается мощью и суровостью, особенно Сторожевая (глухая) башня – одна из лучших монастырских башен. У Тайницкой воротной башни, как и у Георгиевской, проезжая часть внутри башни изогнута под прямым углом, но въезд расположен не с правой стороны, а с левой. Обе башни имеют в наружных арках щели для герс.

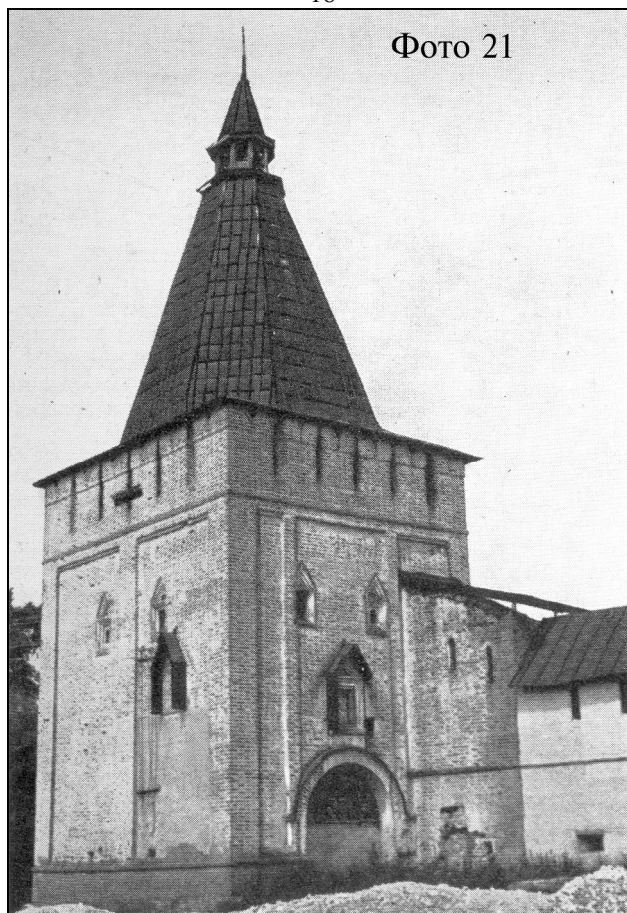

Фото 21

Рис.21 (внизу с левой стороны страницы): Георгиевская башня XVI в. Вид с юго-востока.

С.196.

Необходимо отметить, что над Поваренной (см. рис.20) и Тайницкой башнями сохранились древние конструкции шатров. Они, по-видимому, относятся к самым ранним из дошедших до нас деревянных шатров. Возможно, эти конструкции были сделаны мастерами, строившими участок четвертого этапа.

Наконец, пятый строительный этап – оформление проломных ворот в прясле второго строительного этапа (см. рис.20). Впервые эти ворота упоминаются в 1701 г.: «...Меж тех башен в стене Водяные ворота» (52). Впоследствии они неоднократно перестраивались (53) и дошли до нас в том виде, который получили в результате последней перестройки в 1846 г. (54) в псевдорусском стиле.

Архитектурные формы крепостных стен и башен в большинстве случаев находились в неплохой сохранности для документального восстановления перестроенных или недостающих частей. Техническое же состояние их, особенно прясел стен, в большей части было тяжелым, а в некоторых местах – аварийным.

Такое состояние вызвано двумя причинами. Первая из них – значительное повышение культурного слоя по всему периметру стен крепости, особенно внутри монастыря, до 2,5 м. Первый ярус стен в некоторых местах был скрыт грунтом почти полностью, в результате чего кирпичная кладка стен, столбов и арок ходовой части сопрела, потеряв несущие свойства. Часть стен наклонилась и почти по всему периметру снаружи в основании стен кирпичная кладка отслоилась на глубину от полкирпича до двух кирпичей; прясло между Проломными воротами и Георгиевской башней разрушилось до земли. Вторая причина – долгое отсутствие покрытия крепостных стен, а также Сторожевой башни, что привело к обветшанию и осыпанию кирпичной кладки верхних частей стен, утрате многих столбов второго яруса и обрушению свода над первым ярусом Сторожевой башни. Остальные башни оставались покрытыми, поэтому находились в значительно лучшем состоянии.

Для укрепления крепостных стен и башен проведены работы по удалению грунта по всему периметру стен до уровня первоначальной дневной поверхности, по выпрямлению примыкающего к Круглой башне с юго-запада прясла, по реставрации кирпичной кладки нижних частей стен и башен. Реставрированы шатровые покрытия Поваренной и Тайницкой башен, ведется покрытие крепостных стен, продолжается реставрация кирпичной кладки стен и башен.

Из различных источников известно, что в монастыре был еще ряд недошедших до нас сооружений: упомянутая церковь Пафнутия XVI в. с переходом к трапезной палате, церковь архангела Михаила XVII в. и галерея, пристроенные к собору, церковь Онуфрия XVII в., церковь Всех Святых 1838 г., а также хозяйственные постройки (кузница, житница, баня, квасоварня и пр.). Возможно, части стен и фундаментов некоторых из них будут найдены при дальнейших работах. А сохранившиеся гражданские, культовые, оборонные и хозяйственные сооружения после их восстановления дадут представление о развитии русской архитектуры на протяжении пяти столетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Научно-исследовательские и проектные работы по Пафнутьев-Боровскому монастырю, выполняемые ВПНРК, начаты в 1955 г. архитекторами О.К. Губаревичем и И.К. Виноградовой (эскизный проект реставрации Рождественского собора и исследование трапезной), продолжены М.Д. Циперовичем (трапезная палата) и автором статьи под руководством Л.А. Давида. Инженерные исследования памятников и их укрепление, начатые инженерами Б.Ф. Вологодским и Р.С. Слоним, продолжил Н.С. Маколов. Производство реставрационных работ начато в 1960 г. С 1961 по 1965 г. они велись ВПНРК, с сентября 1965 г. по настоящее время их осуществляет Калужская специальная научно-реставрационная производственная мастерская под научным руководством ВПНРК. Материалы исследований, обмерные чертежи, проекты реставрации, научные отчеты и т.д. хранятся в архиве ВПНРК.

2. **Ключевский В.** Древнерусские жития святых, как исторический источник. М., 1871, с.204; **Николаев И.Н.** Боровск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1888, с.265; Послание Иосифа Волоцкого. М.–Л., 1959, с.270 (комментарии к тексту послания к Ивану Ивановичу Третьякову).

3. **Леонид.** Историко-археологическое и статистическое описание Боровского Пафнутьева монастыря. Казань, 1907, с.50.

4. Там же, с.18; **Кадлубовский А.К.** Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным. – В кн.: Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине, т.II. Нежин, 1899, с.125.

5. Материалы по истории СССР, т.II. Документы по истории XV–XVII веков. М., 1955, с.99 (в книге приводится «Пискаревский летописец»).

6. **Зверинский В.В.** Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, т.II. Монастыри по штатам 1764, 86, 95 годов. Спб., 1892, с.262.

7. В соборе сохранилась надпись о росписи его, которая опубликована в нескольких изданиях о монастыре (**Леонид.** Указ. соч., с.60).

8. ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.32, л.2, 1751. Выписки материалов фонда подобраны Б.Н. Азбукиным.

9. Там же, ф.1198, оп.3, д.31, л.4, 1768 г.

10. В 1729 г. в описях ветхостей уже упоминается паперть (ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.61, л.1). В 1778 г. сделана новая паперть (ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.24, л.1, 1778 г.), разобранная в 1836 г. – см. примеч.13.

11. На внутренних откосах растесанного окна в середине западного фасада имеется фресковая роспись XVII в.

12. ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.15, л.1, 1784 г.

13. Калужский областной государственный архив, ф.33, оп.2, д.653, л.3, 1837 год; **Леонид.** Указ. соч., с.53.

14. ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.32, л.2, 1751 г.; там же, д.31, л.3, 1768 г.; там же, д.27, л.3, 1773 г.; там же, д.15, л.3, 1781 г.; там же, д.32, л.4, 1784 г.

15. **Преображенский М.Т.** Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. Спб., 1891, л.IV.

16. При реставрационных работах по отпечаткам и по аналогии с деревянными потоками были восстановлены выносные части водометов (из железобетона с имитацией деревянных).

17. Для реконструкции конусов были замерены подлинные белокаменные подкрестия глав близкого по времени и архитектуре памятника – церкви в с. Вяземы.

18. Археологические работы были начаты археологами Н.С. Шеляпиной и Ф. Гольдштейн, затем продолжены археологом Е.Н. Хворостовой.

19. **Преображенский М.Т.** Указ. соч., с.44.

20. **Зимин А.А.** Краткие летописцы XV—XVII вв. – В кн.: Исторический архив, вып.5, М.–Л., 1950, с.11.

21. **Чураков С.С.** Заключение о стенных росписях в Пафнутьев-Боровском монастыре, 1955 г. (архив ВПНРК, ш.59 и, инв. №41).

22. Датировка живописи дается на основании расчисток и наблюдений, проведенных художником-реставратором ВПНРК И.М. Гудковым.

23. В натуре на восточном и северном фасадах сохранились части стен третьего этажа.

24. ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.42, л.4.

25. **Николаев И.Н.** Указ. соч., с.263.

26. ЦГАДА, ф.1198, оп.3, д.31, л.6.

27. ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.15, л.2, 1794 г.

28. Там же, ф.1198, оп.3, д.16. 1849 г.

29. См.: «Описание зондажей по погребному корпусу» (архив ВПНРК, ш.90, инв. №552), а также «Эскизный проект

С. 197.

реставрации восточного фасада, 1-я очередь» (архив ВПНРК, ш.90, инв. №553).

30. В документе 1755 г. он упоминается «позади ... задворок со сводом каменным» (ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.42, л.4).

31. Видимо, именно к этой двери вело «наружное крыльцо со всходом деревянное на столбах деревянных же» (ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.42, л.4, 1755 год).

32. **Леонид.** Указ. соч., с.67.

33. См. **Леонид.** Указ. соч., с.65: «Во вкладной книге под 1670 годом сказано: «Боярыня Княгиня Мария Мироновна, да ее сын Иоанн Борисович Репнин дали на строение каменная церкви с больницею денег пятьсот рублей».

34. Фундаменты и стены больничных палат и церкви Ильи сложены одновременно (см. архив ВПНРК, ш.90, инв. №527).

35. Устройство подобных проемов имеется между церковью и больничной палатой в Ново-Иерусалимском монастыре.

36. ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.53, л.1, 3, 1689–1690 гг.

37. Там же, л.2. В послании князю Щербатову сказано: «Изволишь, государь писать к нам, чтоб ... на новой колокольне верх сделать таким образом, как в Петровском монастыре строено». Ниже следует интересный подрядный документ, который во многом раскрывает суть взаимоотношений между заказчиком (монастырем) и строителями, а также называет некоторые имена мастеров. Поэтому приводим документ с небольшими сокращениями: «Каменных дел подретчики Костромского уезду Живоначальные Троицы Ипацкого монастыря, села Исаковского крестьяне, Степан Григорьев да яз, Василий Петров, да яз (перечислены еще 18 человек – **В.М.**) да яз, того ж уезду села Озденорова, боярина князя Андрея Ивановича Голицына, крестьяне (перечислены еще три человека – **В.М.**), да яз села Сангурова крестьянин Иван Яковлев, да яз, боярина князь Бориса Алексеевича Голицына, села Бордукова, Семен Тимофеев (и т.п. еще пять человек – **В.М.**) все мы подрядчики и каменщики в нынешнем 198 (1690) году Майя – 24 день, поручились есмы друг по друге круговую порукою и дали мы на себя сию запись Боровскому уезду Пафнутьева монастыря архимандриту Феофану да келарию, старцу Пофнотию з братиею в том, что подрядились мы подрядчики и каменщики, в том Пафнотьевом монастыре сделать колокольню каменную, на колокольни шатер и слухи большие разобрать нам, подряд-

чиком, своими работниками, и вновь свести под колоколами свод и с того свода взять восьмерик и слухи большие, где быть колоколам, переменить ... и пояс спустить, как доведедца: и спустя пояс обложить другие слухи и дубья и связи, на чем колоколам виснуть, класть как пристойно и другие слухи переменить, и сверх колоколов свод свести на восемь граней покругче; и спуски спустить под шею, чтоб вода збегала, и чтоб было мочно крыть верхние и нижние спуски черепицею, и с того свода, шея взяв, верх построить, как пристойно, против образца Петровского монастыря, что на Москве, колокольни, из нижнего свода вывести средней свод сквось трубу, куды от часов гирем ходить, а всход в трапезу сделать в трех /шестах с нижними рундуками с лестницами, и посторонними от лестниц перилами, обо что руками опираютца. И всю тое колокольню поставить в отделке и подмазать во всех жителях и в ризницы и во всех ходах кружалных; и обелить ту колокольню всю, и леса разобрать и во всем в отделку поставить колокольню нам подрядчиком и каменщиком, не отымаясь никоими делами. А работники, которым кирпич, известь и вода вверх носить, и те работники наши ж подрядчиковы. А кто колокольни на земли кирпич и известь и вода возит, и шайки и лотки и топоры и лес и доски на кружало — все их монастырское. А пить и есть нам, подрядчиком, все их же монастырское за трапезою или где оне власть, указут дватцати шести человеком.

А редили мы, подрядчик и каменщики, от всего вышеписанного дена денег сто десять рублей, да за часы десять пуд ветчаны, десять ведер вина, четверть круп овсяных, да под рухледь их подвода монастырская от Москвы до монастыря ... а сделать нам, подрядчиком, то вышеописанное каменное колокольное дело на сроки в 199 (1690) году сентября в 11 числе. А делать нам то вышеописанное дело самым добрым мастерством и от того дела нам прочь не отойти и того дела ничем не остановить и ни за каким дурном не ходить и убытку ... не учинить...

А подлинную запись писал Ивановской площади стольника и полковника стремянного Иванова полку Елисеева Цыклера сотенной Трошка Затмыщерков, лета 7198 году майя 28 день...» (там же, л.9–11).

38. ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.26, л.2, 1775 г.

39. В этой статье здание названо братскими кельями по наиболее ранним из найденных архивных источников (ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.42, л.4 и там же, д.31, л.6), тогда как в эскизных проектах, чертежах, пояснительных записках и т.д., составленных Б.Н. Азбукиным и автором данной статьи, оно ошибочно называлось «гостиным корпусом». Именно в этих кельях с 1826 г. размещалось духовное училище.

40. См.: «Эскизный проект реставрации настоятельских палат Пафнутьев-Боровского монастыря» (архив ВПНРК, ш.90, инв. №646).

41. ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.15, л.1.

42. ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.22, л.1.

43. **Леонид**. Указ. соч., с.117–118, 106.

44. ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.51, 1758 год; там же, д.34, 1759 г.; **Леонид**. Указ. соч., с.66.

45. ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.27, л.1, 2, 4; **Леонид**. Указ. соч., с.66.

46. Судя по имеющимся источникам, названия башен неоднократно менялись, что привело к неточностям в литературе. В данной статье их названия даются по наиболее ранним из найденных источников. Поваренная башня названа по документу 1701 г. (**Николаев И.Н.** Указ. соч., с.236). В другом документе под 1729 г. говорится также о «поваренной палате с башней» (ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.61, л.1). Со стороны монастыря к башне примыкает часть древней постройки. Очевидно, это и была поваренная палата, по которой она названа. В книге **Леонида** и в других источниках этого времени башня называется «Входной» (**Леонид**. Указ. соч., с.73). **И.П. Машков** в 1912 г. именует ее «Тайницкой» (**Машков И.П.** Крепостные сооружения Боровского Пафнутьевского монастыря Калужской губернии. — Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников Императорского московского археологического общества. М., 1912, с.313). Георгиевская или Знаменская башня названа по изображению на южной стене «Св. Великомученика Георгия, аверху над ним в углублении поставлена икона Знамения Божей Матери» (не сохранилась — **В.М.**) (**Леонид**. Указ. соч., с.72). Круглая башня именуется во всех источниках одинаково. Оружейная башня называется так в публикациях **Леонида**. В документах под 1862 и 1865 гг. — «Хлебная» (ЦГАДА, ф.1192, оп.3, д.27, л.13; там же, д.18), в документе под 1866 г. — «Хлебная (оружейная)» (ЦГАДА, ф.1192, оп.3, д.18, на 13 лис-

тах). Тайницкая (воротная) башня именуется так во всех источниках, кроме указанного сочинения И.П. Машкова, назвавшего ее «Входной» (с.320).

47. **Косточкин В.В.** Русское оборонное зодчество конца XIII–начала XVI веков. М., 1962, с.191.

48. Стена разделена поздними проломными воротами на два прясла. Восточное прясло восстановлено в 1960 г. по сохранившимся фрагментам.

49. См.: История русского искусства, т.3. М., 1955, с.405.

50. **Леонид.** Указ. соч., с.113, 114.

51. ЦГАДА, ф.141, №46, св.80, л.138. Документ найден архит. А.В. Воробьевым и опубликован В.В. Косточкиным в кн.: Государев мастер Федор Конь. М., 1964, с.150.

52. **Николаев И.Н.** Указ. соч., с.236. Водяные ворота упоминаются и в других документах: ЦГАДА, ф.1198, оп.2, д.3, л.7, 8, 1735 г.; там же, д.33, л.2, 1746 г.; там же, д.17, л.1, 1779.

53. Там же, д.42, л.5, 1755 г.; д.15, л.3, 1784 г.

54. Там же, д.27, 1864 г.